

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 24-го Июля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10352.

НЕУТЫШНЫЙ КОРОЛЬ.

Catulle Mendes.

(Сказка).

(Изъ сборника „Les contes des rois“).

Вся страна была въ отчаяніи: молодой король съ тѣхъ поръ, какъ онъ овдовѣлъ, совсѣмъ не занимался государственными дѣлами.

Онъ проводилъ дни, ночи передъ портретомъ умершей супруги и не переставалъ плакать. Этотъ портретъ онъ сдѣлалъ когда-то самъ. Для этого онъ специально и научился живописи. Потому что, вѣдь, ничего не можетъ быть ужаснѣе для супруга или любовника, если какое-нибудь постороннее лицо воспроизводить на полотнѣ всѣ прелести его возлюбленной.

И мало-мальски ревнивому человѣку не можетъ понравиться обычная манера каждого художника слишкомъ близко разматривать свою модель. При этомъ они, вѣдь, еще, такъ сказать, выкладываютъ на полотно не то, что они видятъ: многое должно оставаться у нихъ въ глазахъ и въ сердцѣ.

И этотъ портретъ служитъ теперь единственнымъ утѣшениемъ для молодого короля. Глядя на него, онъ не можетъ удержать своихъ слезъ. И онъ не промынялъ бы ихъ на сладость самыхъ нѣжныхъ и счастливыхъ улыбокъ.

Напрасно министры приходили къ нему и говорили:

— Государь, получены тревожныя извѣстія: новый король Ормузъ идетъ съ многочисленнымъ войскомъ, чтобы атаковать ваши владѣнія.

Но король, устремивъ свой пристальный взглядъ на изображеніе любимой женщины, казалось, ничего не слышалъ.

Однажды онъ впалъ въ страшный гнѣвъ и едва не убилъ одного изъ своихъ камергеровъ за то, что тотъ имѣлъ дерзость высказать, что страданія, даже самая ужасная, самая естественная, не должны быть вѣчными, и что его господинъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы подумалъ о новой женитьбѣ на какой-нибудь молодой девушки — на племянницѣ короля или на дочери крестьянина, все равно.

Къ перелету Петербургъ — Москва.

Авиаторъ М. Г. Лерхе,
получившій серьезныя поврежденія при
паденіи близъ Новгорода.

Авиаторъ Г. В. Янковскій,
долетѣвшій до Торжка.

К. Н. Шиманскій.
пассажиръ авіатора Слюсаренко, погибшій 12 іюля, при паденіи „Фармана“
близъ Царскаго Села.

Авиаторъ Н. Д. Костинъ,
потерпѣвшій аварію близъ дер. Кузенково, сейчасъ же за Валдаемъ, и отказавшійся отъ дальнѣйшаго перелета.

— Чудовище! вскрикнулъ неутышилъ вдовецъ: — и ты смѣешь давать мнѣ такие подлые совѣты! Ты хочешь, чтобы я измѣнилъ наиболѣе прекрасной изъ всѣхъ королевъ въ мірѣ? Уди поскорѣе съ моихъ глазъ, иначе ты погибнешь отъ моей собственной руки! Но прежде чѣмъ ты удалишься отсюда, знай, чтобы повторить это всѣмъ, что никогда ни одна женщина не сядетъ рядомъ со мною на тронѣ и ни одна женщина на будетъ спать на моей постели. Я согласился бы на это только тогда, если бы она до мельчайшихъ подробностей была похожа на ту, которую я потерялъ!

Король прекрасно зналъ, что, говоря такимъ образомъ, онъничѣмъ не рисковалъ.

Точно живая смотрѣла на него королева изъ своей золотой рамы, до того прекрасная, что во всемъ мірѣ нельзя было найти ей подобную. Ея длинные, черные, какъ смоль, волосы разсыпались длинными волнами. Нѣсколько высокій лобъ цвѣта слоновой кости, глубокіе и темные, точно ночь, глаза, улыбка, открывавшая всѣ зубы все это было вѣнѣ всякихъ сравненій и сходствъ. И ни одна принцесса, если бы она даже при рождении получила отъ всѣхъ добрыхъ фей самые богатые дары, не могла бы обладать такими чудными волосами, такими черными глазами, такими очаровательными лбомъ и ртомъ.

II.

Прошло много времени — больше года. Но грустное положеніе вещей не измѣнилось къ лучшему.

Объ Ормузѣ получались все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія, а король ничего не предпринималъ для отвращенія опасности.

Министры, дѣйствуя его именемъ, увеличивали налоги. Но такъ какъ деньги они не употребляли на улучшеніе войска, а клади ихъ въ карманы, то странѣ, дѣйствительно, грозило совершенно быть уничтоженной. Передъ дворцомъ каждый день собиралась большая толпа жителей: они приходили жаловаться, просить.

А король, влюбленный въ свою мертвую жену, былъ занятъ только своимъ горемъ. Все его вниманіе было поглощено прелестями безмолвной женщины, изображенной на портретѣ.

Но вотъ однажды — это было въ тотъ часъ, когда утренняя заря окрашивала оконные стекла въ розовы и голубые цвета — онъ повернулся, слушая, какъ кто-то пѣлъ нѣжнымъ и тонкимъ голоскомъ. Эта красивая утренняя пѣсня была похожа на пѣніе жавронка. Пораженный, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направлению къ окну, прислонился лбомъ къ стеклу и посмотрѣлъ. Онъ едва сдержалъ крикъ восторга.

Это была маленькая пастушка, гнавшая въ поле стадо овецъ. Онъ никогда не видѣлъ ничего болѣе очаровательного: волосы у нея были такие свѣтлые и блестящіе, что, казалось, они скорѣе золотили солнце,

Въ гостяхъ у Виктора Гюго.

Недавно вышли въ свѣтъ мемуары знаменитой актрисы Елены Морджеевской. Любопытныхъ "жителей скихъ встрѣчъ" со всѣми знаменитостями вѣка не оберешься на стра ницахъ этихъ мемуаровъ. Кого только не перевидала на свѣтъ долгомъ вѣку знаменитая актриса. Чудесный даръ зажиганія сердца гармонически сочетался въ Морджеевской съ крупнымъ писательскимъ даромъ. Особенно живо и увлекательно написана глава мемуаровъ, посвященная Парижу и Виктору Гюго. Дѣло происходило въ семидесятыхъ годахъ. Морджеевская прѣхала въ Парижъ и, конечно, сочла своимъ долгомъ посѣтить знаменитаго поэта, который въ глазахъ Европы служилъ живымъ воплощеніемъ вольнолюбивой Франціи, хотя и разбитой пруссаками, но нисколько не утратившей героического ореола своего. Викторъ Гюго назначилъ Морджеевской "аудіенцію" на девять часовъ вечера. Морджеевская аккуратно явилась въ назначенное время.

Ее ввели въ большую комнату, выдержанную въ темныхъ тонахъ. Убранство комнаты не выдавалось ничѣмъ оригинальнымъ, развѣ только тѣмъ, что во всю длину ея выстроены были въ два ряда стулья, противъ которыхъ стоялъ низенький пуффъ. Прошло нѣсколько минутъ, въ комнатѣ собралось небольшое общество скромно одѣтыхъ людей, которые чинно разсѣлись по стульямъ. Прошло еще нѣсколько минутъ въ томительномъ ожиданіи. Внезапно распахнулись обѣ половинки двери, комната залилась потоками свѣта, и ливрейный лакей произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Monsieur Victor Hugo!

Гюго неторопливыми шагами прошелъ къ низенькому сидѣнью и поздоровался съ гостями кивкомъ головы. Въ это время въ комнату ворвался секретарь поэта и вступилъ съ нимъ въ дѣловой разговоръ. Торжественность минуты была нарушена. Гюго сѣлъ на низенький стулъ и поочередно подзывалъ къ себѣ гостей. Наступила очередь Морджеевской. Гюго сказалъ ей нѣсколько лестныхъ словъ о Польшѣ. Потомъ разговоръ перешелъ на Америку, где Морджеевская въ продолженіе десятковъ лѣтъ пользовалась неизмѣннымъ успѣхомъ у театральной публики. Гюго поблаго-

годарилъ ее за то, что, благодаря ея гениальной игрѣ, его произведения обрѣтали на сценѣ подлинную жизнь.

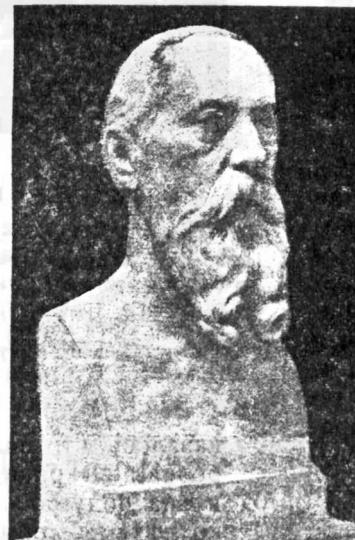
— Есть ли у васъ хорошіе переводы? — сказалъ онъ съ доброй улыбкой.

— Есть хорошие переводы, но, конечно, они не могутъ сравняться съ поэтическими красотами подлинника. Языкъ боговъ воспроизводить могутъ одни лишь боги.

Къ 80-лѣтію германскаго ваятеля Рейнгольда Бегаса.

Послѣдній портретъ Бегаса.

Бюстъ Бегаса,

работы П. Брейера.

Викторъ Гюго весь расплылся въ счастливую улыбку. Все кончилось бы къ взаимному удовольствію, если бы не вопросъ Гюго, поставленный въ упоръ Морджеевской:

— Какой писатель приходится больше всего вамъ по душѣ?

Морджеевская отвѣтила, что лучшими минутами вдохновенія она обязана Шекспиру. Сказала, и сразу спохватилась, что сказала глупость. Гюго на-

Св. Кириллъ и Меѳодій.

Раб. П. И. Кавалеридзе.

Св. Андрей Первозванный.

Раб. П. С. Сниткина.

хмурилъ брови и замкнулся въ ледяномъ безмолвіи. Водворилось неловкое молчаніе. Гюго ожидался на минуту, когда актриса встала и начала съ нимъ прощаться. Онъ проводилъ ее до двери и сказалъ тономъ искренняго благожелательства:

— Мой домъ — вашъ домъ.

СМѢСЬ.

Новое чайное растение.

Въ восточной Африкѣ, отъ Абиссиніи до Наталя, растетъ частью въ дикомъ состояніи, частью на плантаціяхъ кустарниковое растеніе Catha edulis. Описанное ботаниками еще въ 1775 году, это растеніе составляетъ предметъ значительной торговли среди

туземного населенія и обратило въ послѣднее время на себя вниманіе европейцевъ потому, что съ успѣхомъ замѣняетъ чай. Ко кисти листья растенія, длиною окото пяти сантиметровъ, называемые туземцами "кат", содержатъ особый алкалоидъ и жуются туземцами или употребляются въ видѣ отвара. Имя слегка опьяняющее дѣйствіе, такой отваръ въ то же время обладаетъ способностью возбуждать нервную систему и потому употребляется туземцами при продолжительныхъ переходахъ или при тяжелой физической работе. Англійскій химикъ О. Ocdeп, познакомившій англичанъ со свойствами Catha edulis, на себѣ испыталъ живительную силу растенія во время путешествія своего по Афганістану. По вкусу "кат" напоминаетъ лучшіе сорта чая и, по свидѣтельству Ocdeпа, успокаиваетъ невральгіческіе боли. Недавно Catha edulis появилась въ продажѣ на лондонскомъ рынке и уже нашла себѣ значительный спросъ.

По Бедекеру.

Одинъ остроумный немецкій путешественникъ зарисовалъ типичную жанровую картинку. Богатые англійскіе путешественники, шатающіеся по картинымъ галереямъ міра, забрели въ вагиканскій музей. Толстопузый англичанинъ, шествовавшій впереди шумливой компаніи, вынулъ "бедекеръ" изъ кармана и прочиталъ вслухъ:

— Head of Antinous. One asteriks (голова Антиноя. Одна звѣздочка).

Въ группѣ раздалось восхищаніе восторга:

— Fine (какъ красиво)!

Миновали Антиноя и остановились предъ изображеніемъ Юпитера.

Въ гостяхъ у Виктора Гюго.

Недавно вышли въ свѣтъ мемуары знаменитой актрисы Елены Морджеевской. Любопытныхъ „житейскихъ встрѣчъ“ со всѣми знаменитостями вѣка не оберешься на страницахъ этихъ мемуаровъ. Кого только не перевидала на своемъ долгомъ вѣку знаменитая актриса. Чудесный даръ зажиганія сердца гармонически сочетался въ Морджеевской съ крупнымъ писательскимъ дарованіемъ. Особенно живо и увлекательно написана глава мемуаровъ, посвященная Парижу и Виктору Гюго. Дѣло происходило въ семидесятыхъ годахъ. Морджеевская прѣѣхала въ Парижъ и, конечно, сочла своимъ долгомъ посѣтить знаменитаго поэта, который въ глазахъ Европы служилъ живымъ воплощеніемъ вольнолюбивой Франціи, хотя и разбитой пруссаками, но нисколько не утратившей героического ореола своего. Викторъ Гюго назначилъ Морджеевской „аудіенцію“ на девять часовъ вечера. Морджеевская аккуратно явилась въ назначенное время.

Ее ввели въ большую комнату, выдержанную въ темныхъ тонахъ. Убранство комнаты не выдавалось ничѣмъ оригинальнымъ, развѣ только тѣмъ, что во всю длину ея выстроены были въ два ряда стулья, противъ которыхъ стоялъ низенький пушъ. Прошло нѣсколько минутъ, въ комнатѣ собралось небольшое общество скромно одѣтыхъ людей, которые чинно разсѣлись по стульямъ. Прошло еще нѣсколько минутъ въ томительномъ ожиданіи. Внезапно распахнулись обѣ половинки двери, комната залилась потоками свѣта, и ливрейный лакей произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Monsieur Victor Hugo!

Гюго неторопливыми шагами прошелъ къ низенькому сидѣнью и поздоровался съ гостями кивкомъ головы. Въ это время въ комнату ворвался секретарь поэта и вступилъ съ нимъ въ дѣловой разговоръ. Торжественность минуты была нарушена. Гюго сѣлъ на низенький стулъ и поочередно подзывалъ къ себѣ гостей. Наступила очередь Морджеевской. Гюго сказалъ ей нѣсколько лестныхъ словъ о Польшѣ. Потомъ разговоръ перешелъ на Америку, где Морджеевская въ продолженіе десятковъ лѣтъ пользовалась неизмѣннымъ успѣхомъ у театральной публики. Гюго побла-

Скульптура на памятникѣ св. Ольги въ Кіевѣ.

Св. Кириллъ и Меѳодій.

Раб. П. И. Кавалеридзе..

Св. Андрей Первозванный.

Раб. П. С. Сниткина..

годарилъ ее за то, что, благодаря ея геніальнай игрѣ, его произведенія обрѣтали на сценѣ подлинную жизнь.

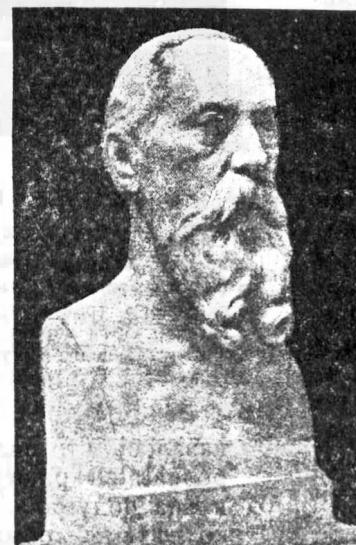
— Есть ли у васъ хорошия переводы? — сказалъ онъ съ доброй улыбкой.

— Есть хорошия переводы, но, конечно, они не могутъ сравняться съ поэтическими красотами подлинника. Языкъ боговъ воспроизводить могутъ одни лишь боги.

Къ 80-лѣтію германскаго ваятеля Рейнгольда Бегаса.

Послѣдній портретъ Бегаса.

Бюстъ Бегаса,

работы П. Брейера.

Викторъ Гюго весь расплылся въ счастливую улыбку. Все кончилось бы къ взаимному удовольствію, если бъ не вопросъ Гюго, поставленный въ упоръ Морджеевской:

— Кѣкой писатель приходится больше всего вамъ по душѣ?

Морджеевская отвѣтила, что лучшими минутами вдохновенія она обязана Шекспиру. Сказала, и сразу спохватилась, что сказала глупость. Гюго на-

хмурилъ брови и замкнулся въ ледяномъ безмолвіи. Водворилось неловкое молчаніе. Гюго ожидался на минуту, когда актриса встала и начала съ нимъ прощаться. Онъ проводилъ ее до двери и сказалъ тономъ искренняго благожелательства:

— Мой домъ — вашъ домъ.

СМѢСЬ.

Новое чайное растеніе.

Въ восточной Африкѣ, отъ Абиссиніи до Наталя, растетъ частью въ дикомъ состояніи, частью на плантацияхъ кустарниковое растеніе Catha edulis. Описанное ботаниками еще въ 1775 году, это растеніе составляеть предметъ значительной торговли среди

туземного населенія и обратило въ послѣднее время на себя вниманіе европейцевъ потому, что съ успѣхомъ замѣняетъ чай. Кохистые листья растенія, длиною окото пяти сантиметровъ, называемые туземцами „кат“, содержатъ особый алкалоидъ и жуются туземцами или употребляются въ видѣ отвара. Имъя слегка опьяняющее дѣйствіе, такой отварь въ то же время обладаетъ способностью возбуждать нервную систему и потому употребляется туземцами при продолжительныхъ переходахъ или при тяжелой физической работѣ. Англійскій химикъ О. Ocden, познакомившій англичанъ со свойствами Catha edulis, на себѣ испыталъ живительную силу растенія во время путешествія своего по Афганістану. По вкусу „кат“ напоминаетъ лучшіе сорта чая и, по свидѣтельству Ocden'a, успокаиваетъ невральгіческія боли. Недавно Catha edulis появилась въ продажѣ на лондонскомъ рынке и уже нашла себѣ значительный спросъ.

По Бедекеру.

Одинъ остроумный немецкій путешественникъ зарисовалъ типичную жанровую картинку. Богатые англійскіе путешественники, шатающіеся по картиннымъ галлереймъ мира, забрели въ ватиканскій музей. Толстопузый англичанинъ, шествовавшій впереди шумливой компаніи, вынѣкъ, „бедекеръ“ изъ кармана и прочиталъ вслухъ:

— Head of Antinous. One asterisks (голова Антиона. Одна звѣздочка). Въ группѣ раздалось восклицаніе восторга:

— Fine (какъ красиво)!

Миновали Антиона и остановились предъ изображеніемъ Юпитера.

Гжа Чемпене Кетъ,

предсѣдательница международнаго союза избират. правъ женшинъ.

— Two asterisks—(двѣ звѣздочки)—и группа приходитъ въ бурный восторгъ.

— Oh, very fine (очень красиво)!

Такъ англійскіе путешественники восхищались шедеврами искусства, точно соразмѣряя степень своего восторга съ количествомъ звѣздочекъ, значащихся противъ названий картинъ и скульптуръ.

Анкета о мужской одежде.

Итальянскій журналъ „Varietas“ устроилъ анкету о реформѣ мужского платья. Въ анкетѣ приняли участіе литературныя и художественные силы Италии. Получено 840 отвѣтовъ, большинство которыхъ сходится въ безпощадномъ осужденіи современной мужской одежды. Камилло Инноченти отвѣтилъ, что ни за какія блага не рѣшился бы изобразить мужчину въ современномъ нарядѣ, оскорбляющемъ его художественный вкусъ. Альфредо Мелани полагаетъ, что вопіющая антихудожественность мужской одежды началась со времени упраздненія живописныхъ складокъ. Сальваторъ Фарина идетъ еще дальше: современная мужская одежда до того некрасива, что любая реформа желательна, хотябы потому, что нельзя цуще обезобразить человѣка. Альфредо Панчини развила длинную теорію о томъ, что „человѣкъ, замкнувшись въ плѣну каменныхъ ящиковъ, долженъ быть потерять прирожденное чувство красоты, и стать сѣрымъ, скучнымъ и геометрическимъ существомъ“.

Законъ противъ „чаевыхъ“.

Богатые англійскіе путешественники ввели въ Канадѣ обычай давать чаевые. Въ подражаніе англичанамъ, и коренные обитатели Канады начали одаривать прислугу щедрыми чаевыми. Первой выступила въ походъ противъ этого обычая канадская печать,

съ рѣдкимъ единодушіемъ подчеркнувшая разворащающее вліяніе „чаевыхъ“. На-дняхъ въ президіумѣ канадскаго парламента поступилъ любопытный законопроектъ, въ силу котораго каждый, кто далъ или получилъ „чаевыя“, подлежитъ тюремному заключенію на два года или денежному штрафу въ размѣрѣ 200 долларовъ. Авторы законопроекта заручились серьезнымъ большинствомъ голосовъ въ парламентѣ.

Королева съ черными пальцами.

Въ римскихъ придворныхъ и аристократическихъ кругахъ много острять по поводу слѣдующаго анекдотическаго случая, происшедшаго съ королевой Еленой въ началѣ минувшей недѣли.

Королева Елена принимала со своейю любезностью старую графиню П., представительницу знатнаго пьемонтскаго рода. Во время аудіенции графиня какъ-то усиленно стала разматривать руки королевы. Ей по-

„Московскія“ ворота въ Иркутскѣ.

Одинъ изъ немногихъ въ Сибири сохранившихся до сихъ порь памятниковъ въ стилѣ „ампиръ“. Ворота построены въ 1811 году въ память московскаго тракта, проходившаго черезъ нихъ. На-дняхъ эти ворота едва не были разрушены по постановленію иркутской городской управы.

казалось, что пальцы прекрасной королевы выкрашены въ черный цвѣтъ, и она подумала, что королева, подобно дѣтямъ, обмакиваетъ въ чернила не только перо но и пальцы. Она не сводила глазъ съ пальцевъ и разъ даже рискнула навести на нихъ лорнетъ.

Королева Елена обратила, наконецъ, вниманіе на странное поведеніе графини и успокоила ее: „Не удивляйтесь такъ, графиня! Черные пятна на моихъ пальцахъ, это—слѣды отъ химическихъ красокъ, которыя я употребляю при проявленіи фотографическихъ снимковъ... Ихъ ничѣмъ не смоешь“... Графиня П. отъ стыда въ тотъ же день уѣхала изъ Рима.

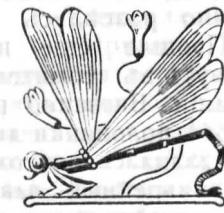
Гудсіа Ханимъ,

первая и единственная персидская девушка, которая рѣшилась надѣть европейскій костюмъ.

Злосчастный поручикъ.

Во второмъ полку прусскихъ гвардейскихъ драгунъ служилъ поручикъ Карпъ, имѣвшій несчастье происходить изъ «простого званія».

Веселые берлинскіе кабаре въ продолженіе пѣлаго года удѣляли вниманіе тому неслыханному факту, что въ гвардейскомъ полку служить офицеръ, не имѣющій права даже на частичку „фонъ“. Особеннымъ усердіемъ по части прославленія Карпа отличился знаменитый берлинскій «Метрополь». И юмористические журналы не отставали отъ кабарѣ въ этомъ своеобразномъ турнірѣ эстроумія и не щадили карандашей лучшихъ своихъ рисовальщицъ для упіковъчнія образа «гвардейскаго офицера безъ „фонъ“». Дѣло кончилось тѣмъ, что однополчане Карпа, недовольные столъ шумнымъ рекламированіемъ полка, заставили Карпа подать въ отставку. Послѣдній номеръ офиціальной военной газеты сообщаѣтъ о выходѣ Карпа изъ рядовъ прусской армии.

ЦИНКОГРАФІЯ

„Южнаго Края“

Харьковъ, Сумская, 13.

принимаетъ заказы на всевозможнаго рода клише.